

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «ВАРВАРСТВА» В КОНТЕКСТЕ ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ 1870-х – 1910-х гг.

Константин Станиславович Антоневиц

МГИМО МИД России, Москва, Россия
antonevich.k.s@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0009-0005-9207-1504>

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции образа варваров в рамках франко-германского противостояния в 1870-е – 1910-е гг. Создание и видоизменение политических мифов рассматривается через призму культурных артефактов. Актуальность исследования заключается в возможности на частном примере межгосударственной межкультурной конфронтации рассмотреть универсальные закономерности её развития. Цель работы — установить «правила» взаимной стигматизации и найти объяснения исключениям, аномалиям, мнимым несоответствиям: сочетанию стереотипов об учёности, педантичности и варварстве немцев, разнице самоидентичностей при сходстве антично-варварского культурного генезиса и т.д. Соответственно в задачи исследования входило: 1) систематизация материалов исследования; 2) уточнение характера влияния культурно-исторического фона на концептуализацию образа «варварского» либо «цивилизованного»; 3) выявление в дихотомии «варвары/цивилизация» базисных антонимичных пар как составляющих «заклятой вражды». Материалами работы послужили разноплановые тексты рассматриваемого периода, от речей, эссе, мемуаров и писем до плакатов и памятников. В качестве основных методов исследования использованы компаративный, семиотический и имагологический подходы с применением корпусного анализа, дискурс-анализа и контент-анализа. Определению причин, по которым именно за немцами во французской оптике закрепился образ варваров (чего не произошло с французами в немецкой оптике), способствовал сравнительный анализ соответствующих образов, выделенных в разноплановых культурных артефактах, рассмотренных как текст культуры. Этот анализ показал, что на французскую вековую традицию называть внешних и внутренних врагов варварами и пропагандистский нарратив 1870-х гг. своевременно наложилась национально-романтическая специфика объединённой Германии с культом предков, закреплённым в песнях и монументах. Также была выделена взаимосвязь декадентского мироощущения «конца века» и политического коллапса Франции. Французские журналисты, писатели и поэты, сравнивая упадок империй, Римской и Французской, создали новую грань дихотомии «немецкие варвары — французская цивилизация». Рассмотрение приёмов немецкой контрпропаганды,

которые позволяли одновременно эстетизировать варварское начало и иронизировать над вражеским штампом «варваров, гуннов, бошей», позволило уточнить общую дихотомию «свой — чужой» и выявить её составляющие в языке вражды Германии и Франции. В результате было обнаружено, что такие контекстуально-синонимичные на первый взгляд стигмы, как «варвар» — «чужой» и «цивилизованный» — «свой» соответственно могут не совпадать, если миф детерминирован многовековой неполитической традицией и актуальными политическими обстоятельствами, из-за чего в рамках исключения, подтверждающего правило, немецкий кайзер может сравнить себя с галльским вождем, а нобелевские лауреаты — вывести свою идентичность из сравнения с кровожадными дикарями.

Ключевые слова: стигматизация, образ варвара, образ цивилизации, свой/чужой, имагология, германо-французская заклтая вражда, политическая мифология, декадентство, цивилизационный подход

Благодарности: Варваре Евгеньевне Даниловой за помощь в переводе с французского. Марине Прокофьевне Кизиме за обстоятельное и строгое рецензирование. Маргарите Вениаминовне Силантьевой за расширение исследовательского инструментария и воодушевляющее обсуждение статьи на стадии разработки.

Для цитирования: Антоневиц К.С. Эволюция концепта «варварства» в контексте франко-германской конфронтации 1870-х – 1910-х гг. // Концепт: философия, религия, культура. — 2024. — Т. 8, № 1. — С. 25–43. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-1-29-25-43>

Research article

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF *BARBARISM* WITHIN THE CONTEXT OF THE FRANCO-GERMAN CONFRONTATION IN THE 1870s–1910s

Konstantin S. Antonevich

MGIMO University, Moscow, Russia
antonevich.k.s@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0009-0005-9207-1504>

Abstract. Intolerance, demonization and hate speech used to be an integral part of Franco-German relations in the 19th century. The paper is devoted to the analysis of the image of *barbarians* within the context of the confrontation between France and Germany in 1870s–1910s. Creation and transformation of political myths is viewed through the lens of cultural artefacts. The study is topical because it allows for the analysis of the universal development of cultural confrontation on a specific example. The prime goal of the article is to identify the patterns of mutual stigmatization and account for their seeming anomalies or exceptions to these patterns: the German simultaneously viewed as well-educated and barbarian; common origins of barbarian and classical antique cultures resulting in opposing identities, etc. The aims of the study include: 1) to systematize empirical sources; 2) to assess the impact of historical and cultural context on the formation of the conceptual images of *barbaric* and *civilized*; 3) to single out basic dichotomies of the *barbaric* vs *civilized* opposition. The study was based on various cultural texts of the period, ranging from speeches, essays, and memoirs to posters and monuments. Methods used included comparative, semiotic, and imagological approaches, corpus, discourse, and content analyses. French newspaper clichés are compared to the Europe-wide opinions about Prussian militarism. As it turns out, the German way of thinking about the heroes of the past contributed to political stigmatization of Germany. Another finding, based on French literature, is the unobvious correlation between decadent world perception and political

turmoil in France. Modernist poetry, literature and journalism compared the fall of the French Empire to the collapse of the Roman Empire and thus contributed to the conceptualizing of the German as *barbarians*. At the same time German propaganda attempted to defend itself by finding *barbarians* on the east and ironically quoting French sources to speak about actual war crimes. The results of the study show that seemingly chaotic hate speech and confrontation are determined on the basis of the specific rules related to age-old non-political traditions and current political circumstances marking the dichotomy between oneself and the other, friend or foe.

Keywords: stigmatization, image of a barbarian, image of civilization, friend/foe, imagology, German-French hereditary enmity, political mythology, decadence, civilizational approach

Acknowledgements: Varvara E. Danilova for her help in translating from French. Marina P. Kizima for a thorough and strict review. Margarita Veniaminovna Silantieva for providing new research tools and inspirational discussions of the article-to-be.

For citation: Antonevich, K. S. (2024) 'Evolution of the Concept of *Barbarism* within the Context of the Franco-German Confrontation in the 1870s–1910s', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 8(1), pp. 25–43. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-1-29-25-43>

Введение

В основе стигматизации любого масштаба, от слов недоброжелателя в коллективе до агитации в мировой войне, — лежит принцип противопоставления. Выстраивается бинарная модель, в которой господин/группа/страна/А по ряду критериев лучше господина/страны/группы Б. Один из популярных критериев такого рода в европейском дискурсе нового и новейшего времени — это степень цивилизованности. Дихотомия «дикарь — адепт цивилизации» была и остаётся настолько универсальной, что её применение на практике можно найти не только в межгосударственных противостояниях, но также и в политических, религиозных, культурологических дискуссиях. «Варварами» названы и русские в путевых заметках Астольфа Де Кюстина¹, и мордвины в научной статье Императорской Академии Наук елизаветинской эпохи², а в роли «цивилизаторов» могут быть представлены и аме-

риканские морпехи во Вьетнаме [Кузнецов, 2016: 147], и конкистадоры в «Апокаypto» Мэла Гибсона.

Данная работа посвящена частному случаю подобного мифологизирующего разделения на «своих — цивилизацию» и «чужих — варваров» в германо-французском противостоянии конца XIX – начала XX вв. На первый взгляд, презрительное представление французов о пруссаках как о варварах закономерно, исторически обусловлено франко-прусской и Первой мировой войнами и легко разложимо на основные составляющие: для француза немец — враг, захватчик, устилающий свой путь «железом и кровью», пришедший с востока, до недавних пор лишённый национального государства.

На протяжении 45 лет, начиная с 1870-х гг., немцев называют варварами и гуннами во французских романах и русских газетах (подробнее об этом будет сказано в следующем разделе), изображают на английских карикатурах и американских

¹ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. — Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. — С. 290.

² О народѣ и имени Татарскомъ, также о древнихъ Могольцахъ и ихъ языкѣ. Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь — Іюнь, 1755 года. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ // НКРЯ. — URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CtUBEp0BCpoBChMKCWRpc2FtYm1vZBIGCgRtYWluChcKB2Rpc3Rtb2QSDAoKd2l0aF96ZXJvcxJqChUKA2xleBIOCgzQstCw0YDQstCw0YAKCgoEZm9ybRICCGAKCwoFZ3JhbW0SAgoACGkKA3NlbRICCGAKGfQoHc2VtLW1vZBIKCGhZW18c2VteAoJCgNzeW4SAgoACgskBWZsYWdzEgIKACosCgglABAKGDlGChAFIAAoxMHdpdWt1woyCWdyY3JlYXRlZEAfagQwLjk1eAAyAggBOgEBMAE=>

плакатах. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается множество нюансов и внутренних противоречий, из-за которых стигматизация становится либо менее однозначной и убедительной, либо же наоборот — более комплексной, фундаментальной и ситуативной.

Изучение этой темы предполагает поиск ответов на несколько ключевых вопросов. Во-первых, почему оказалось возможным сосуществование двух настолько разных национальных стереотипов, как немец-педант, учёный, — и немец-варвар, завоеватель? Во-вторых, как могло быть жизнеспособным представление о варварской стране посреди цивилизованной Европы, особенно принимая во внимание, что эта культурная «аномалия» — родина Шиллера и Гёте, где изобрели книгопечатание и дизельный двигатель, открыли рентгеновское излучение и туберкулёзную палочку? В-третьих, почему эта стигматизация не работает в той же степени в обратную сторону: почему немцы не создали и не растиражировали образ французов-варваров, французов-галлов? И почему две страны, объединённые легендарным колониальным прошлым, рефлексирующие своё двойственное римско-варварское наследие, так по-разному им распорядились?

Объект исследования — взаимное восприятие враждующих Германской империи и Третьей Французской Республики (для краткости в дальнейшем германо-французская конфронтация данного временного периода будет обозначаться термином *Erbfeindschaft* (или «заклятая вражда» в дословном переводе на русский). Предмет исследования — дихотомия «варвары — цивилизация» во всех вариациях объекта и субъекта мифологизации (немцы о немцах, немцы о французах, французы о французах, французы о немцах) в различных текстах обеих сторон: от газетных заголовков и агитационных плакатов до философских статей и скульптурных ансамблей. Цель работы — рассмотреть «заклятую вражду» в рамках семиотического и имагологического анализа, сопоставить разнообразие по форме и источнику, но объединённые тематически примеры вышеозначенной дихотомии и определить их

взаимосвязь с политической, культурной и мировоззренческой парадигмой Европы «fin de siècle» на примере «северных варваров» и «бледных римлян» понять механизмы стигматизации. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1) Систематизировать перечень анализируемых текстов по формальным критериям: формат и жанр (от мемуаров и писем до плакатов и памятников), страна и время появления, а также на основании перечня выявить новые критерии, с которыми могут быть связаны закономерности (к примеру, политическое направление автора, рефлексия «своих» как побеждающей/проигрывающей стороны, распределение ролей «жертва»/«нападающий» и т.п.).

2) Уточнить культурно-исторический фон и его влияние на концептуализацию образа. Как негативные или позитивные интерпретации образов «варвара», «империи», «колонии», «цивилизации» накладываются на идеи романтического национализма (*Volksgeist*, «национальный дух», *Sonderweg* «особый путь»? На эстетизацию и идеологизацию язычества и старины? На кризис европоцентризма и «вырождение цивилизации»? На ирредентистские процессы и колониальную политику?

3) Разложить дихотомию «варвары/цивилизация» на базисные антонимичные пары и реконструировать значимость отдельных составляющих «заклятой вражды».

Анализ культурологического аспекта германо-французской конфронтации с разных ракурсов и в разных её проявлениях можно найти в статьях имагологов, культурных антропологов, историков литературы и исследователей политической философии. Освещения франко-прусской войны и подготовки к ней в прессе и дипломатических документах касается Д. Ветцель в одной из глав книги «Дуэль наций» [Wetzel, 2012: 61–75]. Языку вражды французов и немцев от Великой Французской Революции до Парижского мира посвящена фундаментальная работа немецкого историка и имаголога М. Яйсмана «Вражеская отчизна: исследования концепции национального врага и самоидентичности в Германии и Франции 1792–

1918». Генезису варварского мифа в книге посвящена глава «Rückkehr der Barbaren?» («Возвращение варваров?» [Jeismann, 1992: 207–233]). О взаимном влиянии беллетристов и пропаганды написана статья Х. Аушта «Писатели и нация при вильгельминизме», опубликованная в немецком сборнике «Интеллектуалы и национальный вопрос» [Aust, 1997]. Во французско-немецком сборнике «Карикатура между республикой и цензурой» есть статья У. Кох о взаимной стигматизации Франции и Германии через призму двух сатирических периодических изданий, специализирующихся на карикатурах [Koch, 1996].

Отечественные исследователи также применяли задействованный Э. Гуссерлем и Б. Вальденфельсом культурно-антропологический подход к дихотомии «свой/чужой» в целом [Коротков, 2010; Феноменология Чужого..., 2011] и «варварство/цивилизация» в частности [Обидина, 2023: 107–125]. Смежной теме, российско-германскому противостоянию той же эпохи и роли открыток в создании образа врага посвящена статья Е. Мироновой [Миронова, 2018: 42–53].

Монументальные фигуры предков: варвары севера в газетах и в камне

*Все парижские журналы вдруг
приостановили выпуск на срок, пока
наши войска располагаются в городе:
«...пока немецкие варвары оскверняют
священный город цивилизации своим
присутствием» — гласила, с небольшими
вариациями, ходульная фраза на
большинстве страниц³.*

За годы франко-прусской войны дихотомия «пруссаки (впоследствии немцы)-варвары / французы-римляне» становится общим местом: газетным штампом во французской прессе, отправной точкой рассуждений публицистов и требующей фиксации и осмысления данностью для писателей-реалистов и натуралистов. Начало Первой мировой стимулировало новый виток этой стигматизации, но не изменило её сущности. Приведём для наглядности лишь несколько из множества примеров.

Во французских периодических изданиях за 1870–1871 гг.⁴ в изобилии встречаются подобные формулировки: «От вандализма к войне: о разграблении *варварами* мессинской земли...Немецкие журналисты краснеют от злости, когда мы называем их соотечественников *варварами*. А как ещё назвать этих людей, которые приходят со спичками в одной руке и скипидаром в другой и поджигают кровли покинутых домов?»⁵; «...*варвары* зажимают в кольцо... *варварские* орды с севера...»⁶; «...учёное *варварство*, армия, богатая средствами уничтожения, *варварство*, лишённое сердца и нравов...»⁷; «В июле Пруссия возобновила *варварские* набеги...»⁸. Опираясь на данные газетного корпуса, а также на работы, посвящённые французской пропаганде 1870–1871 гг. [Benjamin, 1932: 214–230] и методам дискриминации во французской прессе всего XIX в.⁹, можно констатировать, что стигматизация немцев как варваров не зависит от политической направленности издания. Разница проявляется лишь в том, как публицисты экстраполируют понятие «варвары» на другие группы (консервато-

³ Allgemeine Zeitung. — Augsburg (Bayern). — 1871. — 10 Mär (Nr. 69). Здесь и далее немецкие газеты цитируются по расширенному корпусу немоязычных документов DTA (Deutsches Textarchiv). Перевод на русский авторский. Ссылка на основной корпус. — URL: <https://www.dws.de/r>

⁴ Здесь и далее французские газеты цитируются по архиву цифровой библиотеки Национальной библиотеки Франции (Gallica). Перевод на русский авторский. Ссылка на архив. — URL: <https://gallica.bnf.fr/services/engine/search/advancedSearch/>

⁵ Le Journal de Metz. — 1870. — 11 oct.

⁶ Journal de la Corse. — 1870. — 28 dec.

⁷ L'Union nationale. — 1871. — 30 nov.

⁸ Le Progrès libéral. — 1871. — 6 dec.

⁹ Fureix E. Réflexions sur la violence politique dans un siècle postrévolutionnaire (France, 1815–1871) / La Revue politique et Parlementaire. — 2021. — 18 oct. (№ 1100). — URL: <https://www.revuepolitique.fr/reflexions-sur-la-violence-politique-dans-un-siecle-postrevolutionnaire-france-1815-1871/>

ры-бонапартисты — на восставших, коммунары — на французское правительство Национальной Обороны).

Жизнеспособность образа поддерживается не только публицистикой и не только французской. «Северных варваров» презируют герои Э. Золя¹⁰ и Г. де Мопассана (слово «barbares» и его производные в дебютной новелле Мопассана встречается четырежды. В сборнике новелл о франко-прусской войне «Les Soirées de Médan» («Вечера в Медане»), где новелла впервые была напечатана, слово «barbares» встречается ещё один раз; во всём сборнике можно найти 22 производных от «sauvage»: дикий¹¹). О противостоянии «римской/католической/старой Франции» и «варварской/протестантской/молодой» Германии без ссылок друг на друга и в разное время пишут А.И. Герцен¹², М.А. Бакунин¹³, Н.Я. Данилевский¹⁴ и Ф.М. Достоевский¹⁵.

В «Заметках о войне» в лондонской «Pall Mall Gazette» Ф. Энгельс следующим образом реконструирует настроения правительства и войска в конце войны: «Ведь г-н Гамбетта, следуя за ним (*генералом д'Орель де Паладином*), заявлял его солдатам, что они идут на Париж, что Париж их ждёт и должен быть освобожден от варваров»¹⁶.

У столь высокой востребованности образа в разных странах и политических лагерях, как и универсальности применения этого образа, находится несколько косвенных причин. Во-первых, со времён Войны первой коалиции во французской агитации существует традиция называть интервентов с севера варварами (об этом в частности пишет немецкий историк культуры М. Вернер в статье о роли франко-прусской войны в самоидентичности обеих стран [Werner, 1995: 181–200], ссылаясь на упо-

мянутую в предисловии книгу имаголога и германиста М. Яйсмана). Для проведения аналогии не так важно, республика или империя в опасности, герцог Брауншвейгский или Бисмарк ведут «северные орды».

Во-вторых, гипертрофированное представление о варварском характере пруссаков и цивилизованности, гуманности французов — это хорошее подспорье для объяснения военных успехов в начале войны и оправдания последовавших военных неудач. Дихотомия «варвары/цивилизация» становится ключом к пониманию целого пласта наполеоновской пропаганды, общего нарратива статей, воззваний и бюллетеней, скомпилированных в работе Х. Бенджамин о механизмах французской пропаганды 1870–1871 гг. [Benjamin, 1932: 216–220]. Чем оправдано превентивное объявление войны Пруссии? В логике «цивилизированной Франции» тем, что с варварами не договориться, на них нужно нападать первыми. Так легитимизируются слова французского министра иностранных дел А. де Грамона, вне контекста представляющиеся циничной насмешкой: «Истинный автор войны — не тот, кто её объявил, а тот, кто сделал её неизбежной» [Benjamin, 1932: 215]. Объяснение находится и замедлению немецкого наступления (французские ружья — цивилизация и прогресс во плоти, они стреляют точнее и на большее расстояние), и неизбежности этого наступления (варварские орды атакуют волнами, не считаясь с потерями. Гуманные же французы не могут бросить даже тела павших товарищей и скорее отступят с ними, чем предадут ритуал). На первый план выступают не правдоподобность и историческая достоверность вышеперечисленных оправданий, а сам принцип их построения, многоуровневая связь с мифом о противнике.

¹⁰ Золя Э. Собрание сочинений в 18 томах. Том 15. — Москва: Правда, 1957. — С. 298.

¹¹ Les Soirées de Médan / É. Zola, G. de Maupassant, J.-K. Huysmans, et al. — Paris: Charpentier, 1880. — 295 p.

¹² Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Т. 1. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1897. С. 136.

¹³ Бакунин М.А. Философия, социология, политика. — Москва: Правда, 1989. — С. 188–290.

¹⁴ Данилевский Н. Я. Горе победителям. — Москва: «Алир», ГУП «Облиздат», 1998. — С. 20.

¹⁵ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877. Январь. Глава первая. I. Три идеи // Собрание сочинений в 15 т. Т. 14. — Санкт-Петербург: Наука, 1995. — С. 7.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960. — С. 173.

Наконец, в-третьих, немцы непроизвольно «подыгрывают» французам, выстраивая собственную национальную идентичность на варварском наследии: с XV в. (задолго до появления национализма и ирредентизма как политико-философских концепций) германоязычные авторы начинают идентифицировать себя как потомков вождя херусков Арминия. Такие историки и культурные антропологи, как А. Шмидт [Schmidt, 2007] и Э. Бирли [Birley, 1999: XXXVIII], небезосновательно связывают генезис национального немецкого мифа с обнаружением в аббатстве Херсфельд утерянной «Германии» Тацита. Более того, само противопоставление «римского юга» и «антиримского» севера, особенно актуальное в контексте «заклятой вражды», равно как и слово «Германия», обретают новую жизнь в спорах итальянских и немецких гуманистов.

Образы Арминия, Девы Германии, равно как и культ героических предков становятся актуальны в немецкой культуре ещё до объединения. Однако именно после 1871 г. они становятся атрибутами государственной идеологии и получают воплощение не только в стихах, изображениях и музыке, но и в дорогостоящих скульптурно-архитектурных ансамблях. Два самых показательных примера в рамках данной работы — памятник Арминию и Нидервальдский памятник. Оба памятника посвящены теме легендарного прошлого, оба были спроектированы до объединения, но в силу разных причин не могли быть завершены. Но главное — оба памятника на нескольких уровнях символизируют и победу над французами-империей.

Самый очевидный из уровней — аллегорические фигуры. В первом случае перед нами Арминий — объединитель племён с мечом в руке, в шлеме с орлиными крыльями, победитель римлян. До сих пор это самая высокая статуя в Западной Европе. Нидервальдский памятник увенчан фигурой Девы-Германии, на уровень ниже помещён прусский одноглавый орёл в окружении гербов немецких королевств, что символизирует национальное единство как главную цель и вместе с тем первенство Пруссии среди равных. Стоящие друг

напротив друга равноразмерные фигуры Мира и Войны недвусмысленно намекают на двойственную, суровую природу немцев. Под фигурой Войны расположен «Барельеф прощания»: резервисты, рекруты и добровольцы уходят воевать с французами; жёны, матери и дети прощаются с ними. Напротив же, под фигурой Мира — «Барельеф возвращения». Наконец, на Центральном барельефе изображены кайзер Вильгельм и «железный канцлер» в окружении князей и генералов, каждый из которых принимал участие в походе на юг.

Особенную роль играет соотношение фигур и надписей. На мече Арминия написано: «В единстве Германии моя сила / В моей силе — могущество Германии». «Особый путь» Германии после веков раздробленности найден, спаян и логически замкнут: сила национального символа обусловлена объединением и в свою очередь обуславливает его нерушимость. Но не менее важны надписи, выбитые на внутренней стороне купола между колонн, посвящённые разным стадиям «заклятой вражды», одновременно существенно расширяющие хронологию этого противостояния. Три таблички можно представить иллюстрацией, пусть и несколько грубой, к гегелевской триаде «бытие — ничто — становление». С Арминия, «несомненно-го освободителя Германии», начинается золотой век народа, оставшегося единым и «непобежденным». Антитеза золотому веку: упадок и ослабление — связаны с утратой единства: «Лишь потому, что немецкий народ был осквернён и ослаблен раздробленностью, Наполеону Бонапарту... удалось подчинить Германию руками немцев (mit Hilfe Deutscher Deutschland unterjochen)». Наконец, в 1871 г. происходит «становление» Германской империи, с одной стороны, опосредующее внутреннее единство двух истоков национальной идентичности («Рима» и «варварства»), с другой — всё же провозглашающее возвращение к единству: «17 июля 1870 года император Франции Луи-Наполеон объявил войну Пруссии, и все *германские племена* (выделено автором), объединившиеся с Пруссией, восстали и с августа 1870 года по январь 1871 года победоносно

сбивали французскую спесь под предводительством Вильгельма, короля прусского, которого немецкий народ 18 января провозгласил своим императором». Профиль императора, расположенный над надписью, окружён дубовыми листьями, на каждом из которых написано название взятого французского города.

Названия французских городов есть и на Нидервальдском памятнике. Но более примечательно иконическое рас-

положение таблички с третьей строфой «Дозора на Рейне» непосредственно под изображением императора (особой роли этой патриотической песни в территориальной и идеологической конфронтации немцев и французов посвящена глава совместной работы музыканта В. Моссмана и музыковеда П. Шлёйнинга [Moßmann, Schleuning, 1978: 17–80]. Ниже приведена эта строфа с авторским подстрочным переводом:

Er blickt hinauf in Himmelsau'n,
Wo Heldenvaeter niederschau'n,
Und schwört mit stolzer Kampfeslust:
Du Rhein bleibst Deutsch wie meine Brust.

Он взирает на небесные луга,
Откуда на него взирают «отцы-герои»,
И клянётся с гордостью и жадной боя:
Рейн, ты останешься немецким, как моя грудь.

Героем песни, «взирающим на небесные луга», дающим Рейну клятву сохранить его «немецкость», становится Вильгельм. Неслучайно взгляд центральной фигуры барельефа устремлён в небо: композиция памятника, таким образом, благодаря тексту песни «достраивается» до небес, откуда «отцы-герои» (героические предки) смотрят в ответ. Происходит та же циклизация, что и в случае с мечом Арминия: между героизированным прошлым и героизируемым настоящим проложен мост из взглядов, легендарное время обретено и заперто.

Надписями и статуями символизм памятников не исчерпывается. Менее очевидно, но не менее важна ещё одна общая черта: метатекстуальным комментарием к победе над Францией служит и местонахождение памятников. Арминий возвышается над Тевтонбургским лесом, в котором его исторический прототип разбил три римских легиона. А Германия в буквальном и переносном смысле ведёт «дозор на Рейне»: её взгляд направлен на юго-запад, к границе с Францией.

Французы называют немцев варварами, немцы ставят варварам памятники,

пишут про них картины и оперы, при этом демонизируя цивилизаторское, римское, имперское начало. Это отчасти снимает вопрос, почему не возникло равноценное зеркальное представление о «южных варварах галлах» и «северных цивилизаторах немцах», ведь французским политикам были не чужды идеи романтического национализма (не стоит забывать, что ещё при Наполеоне III, до начала франко-прусской войны, создаётся памятник галльскому вождю Верцингеторигу, с лицом, неслучайно похожим на лицо Наполеона).

Ключевое слово здесь «отчасти»: образы Бисмарка-Цезаря/Наполеона¹⁷ и Наполеона/Гамбетты-Верцингеторига¹⁸ тоже возникли в рамках взаимной стигматизации. Эта побочная линия сосуществовала параллельно с противоположной, но по частоте встречаемости и сроку жизни заметно уступала своей противоположности. Наполеон воспринимался пародией на собственного деда и на Цезаря одновременно, о чём в монографии, посвящённой сравнительному анализу немецких и французских политических карикатур, написала теоретик коммуникации У. Кох [Koch, 1996: 377–378].

¹⁷ Полонский Л.А. История Бисмарка в связи с историей его страны // Вестник Европы. — 1872. — № 12. — С. 605.

¹⁸ McKew M.B. Construction of a Man Nationalism, Identity, Vercingetorix and the Gauls: Honors Theses. — Dayton 2021. — P. 19.

Старый Рим и молодые варвары: роль модернизма

Этот «стиль декаданса» — последнее слово языка, которому дано всё выразить и которое доходит до крайности преувеличения. Он напоминает уже тронутый разложением язык Римской империи и сложную утончённость византийской школы... Таким бывает, необходимо и фатально, язык народов и цивилизаций, когда искусственная жизнь заменяет жизнь естественную...»

Т. Готье¹⁹

Как и в случае со стигматизацией и самоидентификацией немцев-варваров, сравнение французов не с варварами, а с врагами варваров, с цивилизацией под ударом оказалось более жизнеспособным, сообразным культурному фону и потому предпочтительным и в Германии, и во Франции. Целый ряд факторов: геополитических (антонимичная пара север-юг, «восточность» Германии относительно Франции, разная степень успешности и опыта в колониальной политике), культурных (разная степень языкового родства, противопоставление «победившего Рим» Арминия и «поглощённого Римом» Верцингеторига), религиозных (о католическом характере антипрусской пропаганды и протестантском аспекте прусского милитаризма писал австралийский историк Д. Мозес [Moses, 2005: 143–166]) — располагал к тому, чтобы доминантное распределение ролей «варвары/цивилизация» произошло именно таким образом.

Один из перечисленных факторов конкретизирует образ, превращая «французов-римлян» во «французов-римлян позд-

ней античности»: это расхожее ощущение кризиса империи, морального упадка государства и граждан. Французский *decadance* в контексте «заклятой вражды» — «физиологическое» объяснение поражения: молодые сильные варвары (с «новорождённым государством») пришли, по выражению французского журналиста, «со спичками и скипидаром» и подожгли обветшалое здание цивилизации.

Закат Второй империи хронологически совпадает с началом *fin de siècle*, и отличить в данном случае причину от следствия представляется затруднительной задачей. Художественные осмысления декаданса как исторического периода римской истории появляются во Франции ещё до Второй империи (в качестве примера можно привести картину Т. Кутюра «Римляне времён упадка» 1847 г.). В годы правления Наполеона III упадок римский начинает ассоциироваться с упадком современным. А. Рошфор пишет для «Le Figaro» цикл статей «Французы эпохи упадка», впоследствии переизданный в отдельном сборнике²⁰. О новом стиле, воплощённом в «косых лучах заката дряхлеющих цивилизаций», пишет Готье в предисловии к собранию сочинений Бодлера, опубликованном в 1868 г. После краха империи в Париже собираются «проклятые поэты», появляются первые сборники пародий на символистов и декадентов, затем первые газеты, журналы и манифесты символистов и декадентов (именно в таком порядке²¹!) Маргинальное, периферийное, высмеиваемое течение за двадцать лет, превращается здесь в авторитетное, в значительной степени репрезентующее эпоху²². В Англии, России и Австро-Венгрии подобная смена культурной парадигмы произойдёт несколько позднее. В Германии же конца

¹⁹ Gautier T. Charles Baudelaire. Les Fleurs du mal // Œuvres complètes de Baudelaire. Vol. I. — Paris: Michel Lévy frères, 1868. — P. 17–18.

²⁰ Rochefort H. Les français de la décadence. — Paris: Librairie Centrale, 1866. — 320 p.

²¹ Les déliquescentes / poèmes décadents d'Adoré Floupette; avec sa vie par Marius Tapor. — Byzance: Lion Vanné, 1885. — 79 p.

²² Подобное представление о недавних изгоях разделяли и современные им представители литературной критики: «Любопытно сравнить новейшие мнения, которые приводит Гюрэ о поэтах-символистах, с тем, что писалось о них 8–10 лет тому назад. Тогда впервые несколько молодых поэтов... объявили войну традиционным понятиям о поэзии... Критика отнеслась в то время с громким хохотом к «шутникам», предсказывая полное забвение их начинаний чрез самое короткое время...» (Венгерова З.А. Поэты символисты во Франции // Вестник Европы. — 1892. — Т. 5. — Кн. 9. — С. 116–117).

века, что особенно примечательно, существование декадентства как самостоятельного литературного течения, вне неоромантизма и экспрессионизма, вообще ставится некоторыми литературоведами под сомнение [Krobb, 2004: 548] или оценивается как менее масштабное, запоздалое явление в сравнении с декадентством французским, скандинавским, русским [Pross, 2013: 15]. Разгром 1871 г. катализирует чувство разложения государственных институтов (что неудивительно на фоне резкой смены политического режима) и создаёт социальный запрос на жизнотворчество эстетов-иммориалистов, относящихся к системам ценностей, канонам искусства и авторитетам как к чему-то преходящему, бренному и невос требованному на переломе эпох. В. Розанов следующим образом описал этот конфликт поколений (правда, поколений русских отцов-нигилистов и детей-декадентов, однако слова эти в значительной степени применимы и по отношению к французской первообразной): «В декадентах 60-е годы только не узнают себя; точные и неподвижные представители той эпохи отрицаются, но бессильно, от собственных порождений, продвинувшихся далее, к “новой мозговой линии” — по пути, открытому их именно усилиями... Они (*люди 1860-х*) хотели “заново построить всю жизнь”; но уже их дети, худородные дети излишне свободных, во всём свободных отцов, сказали своим папашам: “Но, позвольте, во имя свободы вы перестраивали, как хотели, объективную, коллективную жизнь, плюя на тысячелетнюю традицию; *позвольте во имя той же свободы нам плюнуть на вас, на ваш труд, на ваши начала и заняться не переустройством общих условий жизни, а культивированием “чудно-нежной и страстной болезни”*»²³.

С этой точки зрения «аполитичность», русская и французская, — это системный сбой, маркер маргинальной среды и на-

ступления последних времён, логичное развитие кризиса. «Аполитичность» же немецкая, в «Рассуждениях аполитичного» Томаса Манна, пытающегося в ключе национального духа оправдать и мифологизировать немецкую агрессию в годы Первой мировой, это не аномалия, а норма, органичная черта здорового общества, добровольный отказ от субъектности в пользу кайзера²⁴. Это, на первый взгляд, второстепенное незначительное различие в интерпретациях довольно симптоматично: «варварское», «антиримское» отношение к социальным институтам цивилизации лояльно-формальное. Цивилизация в «Рассуждениях аполитичного» играет в гуманность, а «варвары» играют в цивилизацию, тем самым через двойное отрицание «обратно подменяя» иллюзии добродетелей на добродетели (подробнее анализ заимствований и смыслоизменений «крайнезападных» концепций немецкими публицистами будет произведён далее).

Рефлексию на тему француза-декадента, француза «на закате цивилизации», можно найти не только в статьях и монографиях, но также в стихах и письмах. Приведём два примера. В письме Н. Анселю, написанном 18 февраля 1866 г., Бодлер довольно ипохондрически характеризует эпоху и проводит между ней и собственной фигурой демаркационную линию, графически оформляя её на письме с помощью тире: «Ваши академики — отвратительны. Ваши либералы — отвратительны. Добродетели — отвратительны. Порок — отвратителен. Гладкий стиль — отвратителен. Прогресс — отвратителен...»²⁵.

Стихотворение П. Верлена «Томление»²⁶, написанное в 1884 г., известно русскому читателю в вольном переводе И.Ф. Анненского²⁷. В контексте этой работы внимания заслуживает первая строфа (слева перевод Анненского, справа — авторский подстрочный перевод):

²³ Розанов В.В. Нечто о декадентах, «лампадном масле» и о проничательности наших критиков // Русское Обозрение. — 1896. — № 12. — С. 1112–1120.

²⁴ Манн Т. Рассуждения аполитичного. В пер. Н. Елисеева // Вестник Европы. — 2008. — Т. XXIV. — С. 157–158.

²⁵ Бодлер Ш. Избранные письма. — Санкт-Петербург: Machine, 2012. — С. 296.

²⁶ Verlaine P. Jadis et naguère. — Paris: Léon Vanier, 1884. — P. 104.

²⁷ Анненский И.Ф. Избранные произведения. — Ленинград: Художественная литература, 1988. — С. 217.

Я — бледный римлянин эпохи Апостата. Покуда портик мой от гула бойни тих, Я стилем золотым слагаю акростих, Где умирает блеск пурпурного заката.	Я — империя на последней стадии упадка, Что наблюдает за шествием великих белых варваров, Составляя вялые акростихи Золотым стилусом, на котором пляшет истома солнца.
---	---

Анненский в переводе планомерно извлекается от актуального исторического контекста, лишая антонимичную пару «Империя-варвары» второго очевидного прочтения. Французская публицистическая интерпретация остаётся вынесенной за скобки, однако на символическом уровне текст по-прежнему посвящён закату империи вообще. Небольшое изменение временных рамок (эпоха Апостата — правление Юлиана Отступника, отдалённое столетием от «последней стадии упадка») не мешает узнаваемости семантики, равно как и отказ от метонимического сравнения: Рим и римлянин, человек и цивилизация взаимозаменяемы как метафоры друг друга, это их общий кризис, их общая бледность на фоне общего заката.

В рамках рассмотрения взаимной стигматизации представляется не столь важным, насколько аналогия «кризис Римской империи — кризис Второй империи» исторически достоверна, существовала ли вообще та карикатурная «изнеженность», которую представляли даром и одновременно проклятьем всё испытавших, перечувствовавших представителей высокоразвитой цивилизации, вернулись ли действительно из-за социального кризиса «тронутый разложением язык Римской империи и сложная утончённость византийской школы», послужил ли декаданс причиной распада империи. Современная историческая мейнстримная точка зрения на этот вопрос такова: эпоха тотального упадка и нравственного разложения в V в. — это результат позднейшей мифологизации истории, удачное, популярное в XIX в., но лишь частично связанное с реальностью объяснение [Malik, 2019].

Важнее представления, оптика европейцев, обывателей и специалистов, 1870-х – 1910-х гг. Актуальный в эту эпоху исторический труд — «История упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона, название которого говорит за себя (в России как раз в 1880-е гг. выходит первый полный перевод²⁸). К тому же, вне исторической науки, в политической философии и публицистике, появляются предпосылки цивилизационного подхода. Задолго до «Постижения истории» А. Тойнби, «Социологии революции» П. Сорокина и «Заката Европы» О. Шпенглера Западную Европу начинают рассматривать как одну из цивилизаций, пережившую стадии рождения и расцвета и ныне переживающую стадию затухания. Об этом ветшании западной цивилизации на примере франко-прусской войны пишут Н. Данилевский («Россия и франко-германская война», 1871), Ф. Достоевский («Германия — страна протестующая», 1876²⁹), М. Нордау («Вырождение»³⁰, 1892; в основе книги сравнение декадентства с диагностированной душевной болезнью, «медэкспертиза» декадентов, стран, цивилизации в целом), Т. Манн («Рассуждения аполитичного», 1918).

Как будет показано в следующем разделе, в немецком дискурсе особую важность приобрело представление о цивилизации как о последней предсмертной стадии культуры (до первой публикации «Заката Европы»). Варвары, «великие белые» или «жестокие северные» — воплотили, выражаясь словами Г. Ибсена, «Юность-возмездие».

Молодые, злые и здоровые — такова самоидентичность немецких поэтов-современников французских символистов. Эти

²⁸ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. — Москва: издание К.Т. Солдатенкова: Тип. В.Ф. Рихтер, 1883–1886.

²⁹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 томах. Т. 14. — Санкт-Петербург: Наука, 1995. — С. 176–181.

³⁰ Нордау М. Вырождение; Современные французы. — Москва: Республика, 1995. — С. 23.

адепты «очистительного насилия» [Соколова, 2021: 45] своего рода антидекаденты, взявшие роль не больных, а жестоких врачей мира, которым стало «тесно» и «скучно» [Соколова, 2021: 45] в здоровой Германии. Такие поэты, как А. Геймель, Г. Гейм, А. Лихтенштейн, могли себе позволить эстетизацию насилия и захватнической войны в той степени, в которой это стеснялись делать публицисты.

Закованные в кавычки: деконцептуализация понятий

*И каким же именем, Гауптман,
называть вас после этого, вас,
отвергающих имя варваров?
Чьи внуки вы — Гёте или Аттилы?
Из открытого письма Р. Роллана
Г. Гауптману (1914)³¹*

*«Как тысячи лет тому назад гунны под
предводительством их короля Аттилы
сделали себе имя, которое
до сих пор в преданиях и сказаниях
вызывает страх, так и имя немцев спустя
тысячу лет после вас должно звучать
так, чтобы ни один китаец не осмелился
косо посмотреть на немца!»
Из речи Вильгельма II
в Бременхафене (1900)*

Несмотря на разницу в культурном контексте и семантической нагрузке, слово «варварский» во французском, немецком, русском было и остаётся контекстуальным синонимом для иррационально-дикого, неоправданно жестокого. Каким бы ни был национальный миф, как бы немецкая пропаганда ни сакрализировала Арминия, в годы Первой мировой такие плакаты, как «Отбей атаку гунна “облигациями свободы”» Ф. Стротмана (1918)³², такие фразы

в газетах, как: «Там, где оккупация кажется не такой варварской и где жители деревни верят, что могут продолжать жить своей обычной жизнью, там и возвестят приход захватчика кровавые события» (статья бельгийской газеты, как и письмо Р. Роллана, посвящена осаде, штурму и разрушению Лувена³³), — не воспринимались и не могли восприниматься как похвала их первозданной мощи и молодецкой удали.

Данные корпуса немецкого языка за 1869–1920 гг. подтверждают предположение, что в публицистике и беллетристике Германской империи слово *Barbar* и его производное *barbarisch* использовались для описания грубого, невежественного, дикого человека и, соответственно, его действий. Однако анализ корпуса позволил также выяснить, какими способами (преимущественно двумя) немецкая сторона адаптировалась к стигматизации.

Немцы не называют своих западноевропейских врагов варварами в ответ, при этом изредка используя слово варварский: среди немногочисленных примеров описание вероломства французских партизан («варварское нанесение увечий»³⁴) и поведения недовольной вторжением толпы в Антверпене («Варварски растащила немецкую собственность»³⁵). Чего не скажешь о врагах на востоке: действия русских солдат и правительства, особенно в 1914–1915 гг., часто оцениваются именно как варварские. Примечательна в этом контексте напечатанная в словаре 1880 г. выпуска немецкая версия известной поговорки: «*Wenn man dem Russen den Firniss abkratzt, so kommt der Tatar (auch: Barbar) heraus* (досл.: *Соскребёшь с русского лак — получится татарин (также: варвар)*»³⁶.

Это и есть первый компенсаторный механизм немецкой стороны: поиск варвара повосточнее и его стигматизация теми

³¹ Роллан Р. Над схваткой (1914–1915): Книга очерков. — [Б.и.], 1935. — С. 11.

³² Strothmann F. Beat back the hun with liberty bonds / F. Strothmann. United States, 1918. Photograph. — URL: <https://www.loc.gov/item/94505100/>

³³ Nothomb P. La Belgique martyre // Revue Des Deux Mondes. — 1915. — Vol. 25, No. 1. — P. 129.

³⁴ Allgemeine Zeitung. — Augsburg (Bayern) — 1871. — 2. Mär (Nr. 61).

³⁵ Allgemeine Zeitung. — 1914. — 22 Aug (Nr. 34).

³⁶ Wander K.F.W. (Hrsg.). Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Bd. 5. — Leipzig, 1880.

же средствами, что были использованы «крайнезападными» державами. Параллельно с ним и, на первый взгляд, в противовес ему работает второй механизм: цитирование вражеской прессы с иронически-пренебрежительной интонацией, в обесценивающих обвинения кавычках. Пример подобной «деконцептуализации варварства», обесмысливания парижских заголовков корреспондентом немецкой «Allgemeine Zeitung» после взятия Парижа 1871 г. приводился в качестве эпиграфа к первому разделу данной работы. Для демонстрации неизменности риторики достаточно привести несколько цитат из той же газеты за первый год Первой мировой войны:

«И это нацию Гёте, Шиллера, Вагнера они называют варварами!»³⁷.

«Вся французская пресса обсуждает применение немецкой армией удушающего газа и заявляет, дескать, исключительно его эффект заставил союзников отступить... То, что немцы прибегли к подобному средству, якобы, в очередной раз доказывает варварский характер их методов ведения войны»³⁸.

Не только штатные сотрудники государственных газет или авторы агитационных плакатов и открыток иронизировали над французским применением образа варваров. Оспорить варварский характер немецкой нации вообще и разрушения Лувена в частности решили немецкие философы, учёные, деятели культуры с мировым именем, подписавшиеся под «Манифестом Деяности трёх»³⁹. В их числе сын Рихарда Вагнера Зигфрид, Ф. Габер, Ф. Ренард, Г. Гауптман, Р. Демель, М. Планк, К. Рентген. Осенью 1914 г. они солидарны с правительством и закономерно воспринимают его демонизацию как личное оскорбление, добровольно принимают наименование варваров (так же полуиронически, как Allgemeine Zeitung): «Мы предпочитаем

быть и оставаться немецкими варварами, для которых женщины и дети наших противников священны...».

Примечательно и то, как в статье использованы термины «цивилизация» и «культура». Дихотомия немцев как живой искренней культуры и французов как умирающей лицемерной цивилизации не постулируется, но подразумевается. Слово «цивилизация» встречается лишь единожды: «Выступать защитниками европейской цивилизации меньше всего имеют право те, которые объединились с русскими и сербами и дают всему миру позорное зрелище натравливания монголов и негров на белую расу». Эта во всех смыслах сомнительная претензия немецких интеллектуалов примечательна не по причине её неполиткорректности в современных реалиях, но из-за применения того же механизма борьбы со стигматизацией, что и в случае с «варварами». Тезис получается амбивалентным, нестабильным в интерпретации: «Мы такие же варвары, как вы — защитники цивилизации», «такие же» в данном случае означает одновременно и «карикатурные, мнимые», и «подлинные, по природе своей».

Что же касается контекстуального антонима цивилизации, культуры, в тексте манифеста это слово относится либо к миру вообще, иными словами, его положительной составляющей (манифест носит подзаголовок «К культурному миру»), либо подразумевается культура немецкая, снова двойственная, воинственно-миролюбивая (что косвенно подтверждает выводы о Нидервальдском памятнике): «Германский милитаризм является производным германской культуры... Немецкое войско и немецкий народ едины. Это сознание связывает сегодня 70 миллионов немцев без различия образования, положения и партийности...Верьте, что мы будем вести эту борьбу до конца, как культурный

³⁷ Allgemeine Zeitung. — 1914. — 7 Nov (Nr. 45).

³⁸ Allgemeine Zeitung. — 1915. — 1 Mai (Nr. 18).

³⁹ Цит. по Пуанкаре Р. На службе Франции 1915–1916. — Москва: АСТ, 2002. — С. 578.

народ, которому завещание Гёте, Бетховена, Канта (очередное сходство с газетной риторикой) так же свято, как свой очаг и свой надел».

«Манифест Деяности трёх» — это звено многоступенчатого диалога, ответ немецкой интеллигенции на ответ Роллана на ответ Гауптмана. Нестабильность среды, её соревновательно-дискуссионная природа не даёт стигматизациям обеих сторон оставаться самозамкнутыми, порождает череду взаимных откликов, ответов и искажений, превращает тихую ксенофобную ненависть изолированных культур в информационную гонку вооружений. В таких условиях неудивительно, что регистры «варваров» и «цивилизации» смешиваются, язык ненависти перенимается, искажается, берётся на вооружение частично или полностью.

Наглядным примером того, как внутренне противоречащие друг другу подходы уживаются в тексте одного автора, могут послужить мемуары кайзера Фридриха Вильгельма, написанные и опубликованные после войны и отречения от престола. Автор приведённой в эпиграфе «гуннской речи» [Баранов, 2008: 264–265] спустя 22 года иронизирует над навязанным стереотипом (не упоминая, впрочем, о своей роли в его распространении): в главе «Начало войны» бывший кайзер вспоминает, как оккупировавшие север Франции «гунны»-немцы, добравшись до церквей, дворцов и замков, спасали «для французских владельцев и французских городов, нередко и с опасностью для жизни, художественные сокровища, оценивавшиеся в миллиарды»⁴⁰. Здесь Вильгельм рисует образ немецкого солдата в совершенном соответствии с немецкой традицией: за перечнем благодеяний следует подпись «гунн/бош/варвар», «отвоёванная» у вражеской традиции и «закованная» в кавычки. Помещённая в инородный контекст,

она становится в его рамках подчёркнуто алогичной.

В главе «Вражеский и нейтральный суд» Вильгельм, как ни парадоксально, всё же сравнит себя с вождем варваров. Более того — не с Арминием и даже не с Атиллой, а с галльским Верцингеторигом. В этой развёрнутой метафоре Антанта олицетворяет победивший Рим, предлагающий вождю варваров сделку: сдаться, тем самым спасая свой народ от порабощения. Вооружившись примером из прошлого, Вильгельм в ретроспективе дорисовывает потенциальное будущее: в логике примера Антанта-Рим осудит-казнит императора-вождя, при этом немцы-галлы (что примечательно, не немцы-германцы) будут обмануты и порабощены. От благородной, но бесполезной жертвы (добровольной явки на суд Антанты) «умудрённый опытом» Верцингеторига Вильгельм решает отказаться⁴¹.

Этот пример удивителен и вместе с тем закономерен. Немецкий кайзер при выборе образа для самоидентификации игнорирует национальный фактор (по сути, сравнивает себя с национальным символом врага), потому что на другой чаше весов оказываются дихотомия «Рим-варвары» и условное схематическое сходство ситуаций. Если бы Германия победила в Первой мировой, он, без сомнения, сравнил бы себя с Арминием, а три страны-союзницы по Антанте — с тремя разбитыми легионами. Жизнь послужила естественным ограничителем ряда аналогий в языке вражды, в инструментарии взаимной стигматизации, живой динамичной системе. Эта система может показаться хаотичной и непредсказуемой игрой плохо коммуницирующих акторов, однако у каждого «парадокса», у каждого «отступления от правил», как было показано на множестве примеров, всегда есть культурологическая обусловленность, продиктованная ходом игры.

⁴⁰ Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918. — Москва: Издательство Л.Д. Френкель, 1923. — С. 128.

⁴¹ Там же, с. 143.

Заключение

На примере межгосударственной многолетней конфронтации Третьей республики и Второго рейха удалось выявить и исследовать алгоритмы взаимной стигматизации, в динамике проанализировать, как абстрактная связка «свой — чужой» интегрируется в культуру, видоизменяется за счёт социальной, этнической, религиозной специфики, обрастает уникальными чертами.

Удалось верифицировать роль некоторых критериев, повышающих или понижающих вероятность выбора образа. Окажется Германия или Франция воплощением варварства или цивилизации, определялось географическим положением (варвар приходит с востока), ролью и новизной демократических институтов (атрибутов цивилизации) в государственном устройстве, возможностью сопоставить мифологизируемое настоящее с мифологизированным прошлым. Не существует заведомо невозможных конфигураций (таких как, к примеру, «победитель — варвар в глазах проигравшего», «проигравший — варвар в собственной оптике»), есть более и менее доминантные составляющие мифа, актуализации которых нужны разные факторы среды. Бисмарк может побыть Цезарем, Вильгельм может побыть Верцингеторигом, но точечные заданные совокупностью условий альтернативы лишь подчёркивают генеральную линию взаимной стигматизации.

На фоне «рабочих» определяющих стигматизацию факторов были выявлены и такие, которые гипотетически могли определять роли сторон, однако на практике их влияние оказалось ничтожно малым. Ни один нобелевский лауреат, ни одно открытие, ни одна книга Манна или Гауптмана не сделала для французской стороны абсурдной или хотя бы сомнительной связку «варварство-прогресс», «варварство-учённость», актуальную весь период с 1871 по 1918 гг. Получилось обратное: образ варварства «сплавился» с образом научного и технического прогресса, в результате чего появились открытые письма, востор-

женные статьи и стихи «учёных варваров», в которых те провозглашали милитаризм неотъемлемой частью собственной идентичности. То же можно сказать и о роли политических предпочтений, враждующих лагерях внутри стран. Кроме случаев, где политические предпочтения неразрывно связаны со степенью лояльности правительству и, как следствие, с одобрением или порицанием военных решений, дихотомия правых и левых, прогрессистов и консерваторов никак не наслаивается на предпочтения при оценке соседа по «заклятой вражде». Более рабочим, пожалуй, будет разделение стигматизирующих обеих сторон на «голубей» и «ястребов».

Ключевой для восприятия собственной и вражеской идентичности оказалась эволюция представлений о «варварстве» и «цивилизации» вне противостояния. Романтический национализм сделал роль варваров для немцев если не почётной, комплиментарной, то как минимум более приемлемой и терпимой. Бунт против «Рима», альтернативный антицивилизационный путь — ядро их идентичности, с которым варварская маска сочетается гораздо органичнее, чем с гражданским пафосом Франции (не так важно, тираноборческий это пафос или бонапартистский). Такое различие обусловлено и сакральным значением найденной «Германии» Тацита, и сопротивлением раздробленных немецких княжеств и курфюршеств империи Наполеона.

После победы над французами в 1871 г. героическое прошлое становится частью государственной идеологии и наслаивается на новейшие политико-философские концепции: «варвар» становится «антиримлянином», презиравшим лицемерные демократические институты и при этом всё же «привитый» античностью, молодой здоровый повеса, ожидающий смерти стариков-цивилизаций. Специфика диалога с Францией, выплеска национального мифа вовне заключается в том, что Германия стабильно выступает в роли ответчика, своеобразного «разоблачителя мифов» о себе. Эта линия защиты изобилует внутренними противоречиями, подразумевает игру на смысловых оттен-

ках, разнице между культурой Германии и «культурой» Франции, варваром-русским и «варваром»-немцем. На примере публикации Т. Манна военных и межвоенных лет можно видеть, насколько эфемерной зачастую оказывается разница оттенков, насколько недолгосрочный эффект у этой игры в интерпретацию, когда апологет варварства превращается в сурового критика самого себя.

Динамика развития тех же двух образов во Франции существенно отличается от немецкой. Внешние и внутренние враги, от австрийских солдат, идущих на выручку Людовику, до коммунаров в 1871 г., на протяжении всего XIX в. стигматизировались государственной пропагандой как варвары, пруссаки лишь дополнили перечень. Этому способствовала длительная гегемония Франции в континентальной Европе, культ античных гражданских добродетелей.

Чередой разгромных поражений, невыгодный Франкфуртский мир, большие репарации и оккупация севера страны инициировали появление разочарованных скептиков, аполитичных эскапистов и воинственно настроенных реваншистов, мечтающих вернуть Эльзас. У обеих категорий было достаточно причин ассоциировать себя с римлянами (декадентами или стоиками-цивилизаторами), а немцев — с варварами (великим белыми колоссами, как это было в представлении лирического героя Верлена, или примитивными садистами, как это было в представлении героев Золя и Мопассана.)

Как показал имагологический анализ писем, стихотворений, газетных статей и памятников, базовые составляющие понятий «варварство» и «цивилизация» могут значительно отличаться и у конфликтующих сторон, и у одной из сторон на временном срезе. «Варвар» — не всегда и вовсе не обязательно «чужой», цивилизация — не всегда и не обязательно «своя». «Варвар» как германо-французская политическая мифологема — не всегда тот, кто напал первым, но это тот, кто «бесхитростно» нападёт. «Бесхитростность» — это первая неотъемлемая черта «варвара», объединяющая немецкую и французскую интерпретации, пускай и с разной оценкой: варвар честен или варвар глуп, варвар попадает в ловушку цивилизации (как Верцингеториг) или оказывается сильнее и сохраняет самость (как Арминий). Варвар также безжалостен: в положительном немецком прочтении это означает, что лицемерные игры в гуманизм ему чужды, безжалостность — контекстуальный синоним честности. Наконец, варвар — это искатель альтернативного пути, последовательный «антиримлянин». Насколько каждая из вышеупомянутых составляющих понятия положительно оценивала немецкий милитаризм, насколько «здоровым» на фоне «больной цивилизации» подобный варвар представлялся, зависело от стороны и ситуации, однако они оставались неизменными на протяжении всего сорокалетнего этапа «заклятой вражды» от рождения до смерти Второго рейха.

Список литературы:

Баранов Н.Н. «Гуннская речь» кайзера Вильгельма II в интеллектуальном контексте эпохи // *Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* — 2008. — Т. 5, № 3. — С. 262–268.

Коротков М.Ю. К проблеме "чужого" в современной феноменологии // *Среднерусский вестник общественных наук.* — 2010. — № 3. — С. 13–17.

Кузнецов Д.В. «Тень» Вьетнама над Америкой: Американское общественное мнение и использование военной силы США после войны во Вьетнаме (1973–2009 гг.). — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. — 752 с.

Миронова Е.В. Образ Германии в русских пропагандистских открытках времен Первой Мировой Войны // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2018. — Т. 10, № 3-2. — С. 42–53. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-3/2-42-53>

Обидина Ю.С. Варварство как «шаблон» инаковости в контексте культурной эволюции древних греков // Человек. Культура. Образование. — 2023. — № 2. — С. 107–125. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-107>

Соколова Е. В. Накануне первой Мировой: осцилляция образа войны в предвоенной немецкой лирике (1911–1914) // Вестник культурологии. — 2021. — №3. — С. 44–59. <https://doi.org/10.31249/hoc/2021.03.03>

Феноменология Чужого в контексте культурной (этноконфессиональной) безопасности / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, И. В. Лебедева, М. С. Топчиев // Человек. Сообщество. Управление. — 2011. — № 1. — С. 44–56.

Aust H. Schriftsteller und Nation im Wilhelminismus // Die Intellektuellen und die nationale Frage. — Frankfurt; New York: Campus Verlag, 1997. — P. 107–124.

Benjamin H.C. Official Propaganda and the French Press during the Franco-Prussian War // The Journal of Modern History. — 1932. — Vol. 4, No 2. — P. 214–230. <https://doi.org/10.1086/235868>

Birley A. Tacitus' Style and Influence // Agricola and Germany. — Oxford: Oxford University Press, 1999. — P. XXXV–XXIX.

Jeismann M. Rückkehr der Barbaren? Vae Victoribus // Das Vaterland der Feinde: Studien zum nationalen Feindbegriff und Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1792–1918. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1992. — P. 207–240.

Koch U.E. Du Printemps des peuples à la guerre franco-allemande (de 1848 à 1870-1871) // La Caricature entre République et censure. — Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1996. — P. 370–382. <https://doi.org/10.4000/books.pul.8054>

Krobb F. "Die Kunst der Väter tödtet das Leben der Enkel": Decadence and Crisis in Fin-de-Siècle German and Austrian Discourse // New Literary History. — 2004. — Vol. 35, No 4. — P. 547–562.

Malik S. Decadence and Roman Historiography // Decadence and Literature. — Cambridge: Cambridge University Press, 2019. — P. 30–46. <https://doi.org/10.1017/9781108550826.003>

Moses J.A. La théorie de la guerre juste dans l'Empire allemand (1871–1918): un phénomène protestant // Mil neuf cent. Revue d'histoire intellectuelle. — 2005. — Vol. 23, No 1. — P. 143–166. <https://doi.org/10.3917/mnc.023.0143>

Moßmann W., Schleuning P. Alte und neue politische Lieder. Entstehung und Gebrauch, Texte und Noten. — Reinbek: Rowohlt, 1978. — 372 s.

Pross C. Dekadenz: Studien zu einer großen Erzählung der frühen Moderne. — Göttingen: Wallstein Verlag, 2013. — 438 p. <https://doi.org/10.5771/9783835323438>

Schmidt A. Teil II. Deutschlandbilder Im Zeichen Humanistischer Tradition // Vaterlandsliebe und Religionskonflikt: Politische Diskurse im Alten Reich (1555-1648). — Leiden: BRILL, 2007. — P. 125–191. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004161573.i-512>

Werner M. La nation revisitée en 1870-1871. Visions et redéfinitions de la nation en France pendant le conflit franco-allemand // Revue germanique internationale. — 1995. — № 4. — P. 181–200. <https://doi.org/10.4000/rgi.525>

Wetzel D. A Duel of Nations: Germany, France, and the Diplomacy of the War of 1870–1871. — Madison: University of Wisconsin Press, 2012. — xvi, 310 p.

References:

Aust, H. (1997) 'Schriftsteller und Nation im Wilhelminismus', in *Die Intellektuellen und die nationale Frage*. Frankfurt; New York: Campus Verlag, pp. 107–124.

Baranov, N. N. (2005) 'The "Hun Speech" of Kaiser William II in the Intellectual Context of the Epoch', *Imagines mundi*, 5(3), pp. 262–268. (In Russian).

- Benjamin, H. C. (1932) 'Official Propaganda and the French Press during the Franco-Prussian War', *The Journal of Modern History*, 4(2), pp. 214–230. <https://doi.org/10.1086/235868>
- Birley, A. (1999) 'Tacitus' Style and Influence', in *Agricola and Germany*. Oxford: Oxford University Press, pp. XXXV–XXIX.
- Jeismann, M. (1992) 'Rückkehr der Barbaren? Vae Victoribus', in *Das Vaterland der Feinde: Studien zum nationalen Feindbegriff und Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1792–1918*. Stuttgart: Klett-Cotta, pp. 207–240.
- Koch, U. E. (1996) 'Du Printemps des peuples à la guerre franco-allemande (de 1848 à 1870-1871)', in *La Caricature entre République et censure*. Lyon: Presses universitaires de Lyon, pp. 370–382. <https://doi.org/10.4000/books.pul.8054>
- Korotkov, M. Y. (2010) 'K probleme «chuzhogo» v sovremennoy fenomenologii [On the problem of the "alien" in modern phenomenology]', *Central Russian journal of social sciences*, (3), pp. 13–17. (In Russian).
- Krobb, F. (2004) '"Die Kunst der Väter tödtet das Leben der Enkel": Decadence and Crisis in Fin-de-Siècle German and Austrian Discourse', *New Literary History*, 35(4), pp. 547–562.
- Kuznetsov, D. (2016) *The 'Shadow' of Vietnam over America. American Public Opinion and the Use of US Military Force after the Vietnam War (1973–2009)*. Saint Petersburg: Nestor-Istorija Publ. (In Russian).
- Malik, S. (2019) 'Decadence and Roman Historiography', in *Decadence and Literature*. Cambridge: Cambridge University Press (Cambridge Critical Concepts), pp. 30–46. <https://doi.org/10.1017/9781108550826.003>
- Mironova, E. V. (2018) 'Germany through the Prism of Russian Propaganda Post-Cards from World War I', *Historical and social-educational ideas*, 10(3/2), pp. 42–53. (In Russian). <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-3/2-42-53>
- Moses, J. A. (2005) 'La théorie de la guerre juste dans l'Empire allemand (1871-1918): un phénomène protestant', *Mil neuf cent. Revue d'histoire intellectuelle*, 23(1), pp. 143–166. <https://doi.org/10.3917/mnc.023.0143>
- Moßmann, W. and Schleuning, P. (1978) *Alte und neue politische Lieder. Entstehung und Gebrauch, Texte und Noten*. Reinbek: Rowohlt.
- Obidina, Y. S. (2023) 'Barbarism as a "Pattern" of Otherness in the Context of the Cultural Evolution of the Ancient Greeks', *Čelovek, kul'tura, obrazovanie*, (2), pp. 107–125. (In Russian). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-107>
- Pross, C. (2013) *Dekadenz: Studien zu einer großen Erzählung der frühen Moderne*. Göttingen: Wallstein Verlag. <https://doi.org/10.5771/9783835323438>
- Romanova, A. P. et al. (2011) 'Fenomenologiya Chuzhogo v dvadtsatoy kul'turnoy (etnokonfessional'noy) bezopasnosti [Phenomenology of the Alien in the context of cultural (ethno-confessional) security]', *Human. Community. Management*, (1), pp. 44–56. (In Russian).
- Schmidt, A. (2007) 'Teil II. Deutschlandbilder Im Zeichen Humanistischer Tradition', in *Vaterlandsliebe und Religionskonflikt: Politische Diskurse im Alten Reich (1555-1648)*. Leiden: BRILL, pp. 125–191. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004161573.i-512.19>
- Sokolova, E. (2021) 'Foresinging the First World War: Oscillating Image of War in German Lyrics of 1911–1914', *Herald of Culturology*, (3), pp. 44–59. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/hoc/2021.03.03>
- Werner, M. (1995) 'La nation revisitée en 1870-1871. Visions et redéfinitions de la nation en France pendant le conflit franco-allemand', *Revue germanique internationale*, (4), pp. 181–200. <https://doi.org/10.4000/rgi.525>
- Wetzel, D. (2012) *A Duel of Nations: Germany, France, and the Diplomacy of the War of 1870–1871*. Madison: University of Wisconsin Press.

Информация об авторе

Константин Станиславович Антоневи́ч — аспирант кафедры мировой литературы и культуры, МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Konstantin S. Antonevich — PhD student, Department of the World Literature and Culture, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 23.02.2024; принята к публикации 02.03.2024.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 23.02.2024; accepted for publication 02.03.2024.